

Алена Яворская

«Сохраним это счастье вдыхать акации...»

«Одесса уже не та». «Той Одессы больше нет». «Одесса умирает».

Так говорят последние годы. Последние десятилетия. Последнее столетие. А если разобраться – с чего все началось? Какой была «та Одесса», как она стала «не той»? И что об этом говорят писатели и поэты?

Мне могут сказать, что рассуждения мои необъективны, цитаты случайны, процитированы не те авторы. Заранее соглашусь. Но, если вдуматься – ведь это же словно калейдоскоп: каждый раз ты видишь новую картину. И при этом – стеклышки те же, да и все цвета сразу невозможно заметить.

Одесса и миф об этом удивительном городе известен всему миру чуть ли не с первых дней основания Одессы.

Миф этот на протяжении двухсот лет изменялся. В первые сто лет говорили преимущественно о европейском городе, возникшем, словно в сказке, в голой степи, о вольном веселом городе, где легко можно изменить свою судьбу.

В двадцатом веке говорили больше о характере жителей города и своеобразном его языке, о романтических одесских бандитах.

Создавали образ вольного веселого города не только русские писатели. Среди творцов одесского мифа были А. Пушкин, О. Рабинович, Ю.И. Крашевский, Марк Твен, Жюль Верн, Виктор Гюго, И. Бунин, А. Куприн, Шолом-Алейхем, В. Дорошевич, А. Дерибас, В. Жаботинский, Корней Чуковский, Дон Аминадо, А.Н. Толстой, Ю. Яновский и многие другие.

В начале двадцатых годов двадцатого века громко заявила о себе литературная одесская (юго-западная) школа – И. Бабель, Э. Багрицкий, В. Инбер, И. Ильф и Е. Петров, В. Катаев, С. Кирсанов,

Ю. Олеша, – окончательно сформировав в представлении читателя образ вольного города с присущим лишь ему языком и характером.

Можно сказать, что как для средневекового жителя Земля стояла на трех китах, так для современного читателя одесский миф жидется на трех литературных произведениях: «Одесской главе» «Евгения Онегина» Александра Пушкина, «Одесских рассказах» Исаака Бабеля и «Времени больших ожиданий» Константина Паустовского.

В начале XIX века А. Пушкин выдал Одессе «грамоту на бессмертие», в двадцатые годы XX века И. Бабель создал легенду о короле одесских налетчиков Бене Крике, в конце 50-х годов того же двадцатого века К. Паустовский своей повестью возродил интерес к необычному, своеобразному, отличающемуся от остальных веселому городу.

Но, как уже было сказано, на протяжении двух столетий изменялось описание характерных черт Одессы.

Вначале о городе, в котором возможно изменить свою жизнь, стать свободным человеком, пели украинские кобзаря:

А в Одесі добре жити.
Мішком хліба не носити,
На панцину не ходити.
Подушного не платити.
Ні за плугом, ні за ралом.
Називають мене паном.

Затем к прославлению города – торгового рая – подключаются купцы. В 1812 увидела свет книга негодичанта Шарля Сикара «Письма об Одессе»: «Из бедной деревушки Гаджибей <...> город сей <...> построенный на берегу такого моря, которое почиталось опаснейшим, сделался в столь короткое время самым цветущим торговым городом в Европе».

Русские путешественники, как правило, из аристократических семейств, описывая бытовые неудобства, предвидят расцвет города. В 1810 году в Одессе побывал князь Иван Долгорукий. «Одесса сама собою указывает выгоды свои настоящие и будущие. Довольно пробыть в ней день или два, чтобы удостовериться в пользе, которая от нее происходит удобна».

Славная Одесса, преславная Одесса – такая характеристика сопровождает в то время упоминание города. В стихах Т. Шевченко, никог-

да не бывавшего в Одессе, упоминание города также сопровождается эпитетом «преславная», хотя речь идет о страшном бедствии:

Из Одеси преславної
Завезли чуму.

Введение порто-франко в 1817 г. приводит к расцвету города, ставшего одним из главных торговых портов Российской империи и единственным значимым торговым портом на Юге.

В 1839 Владимир Бенедиктов сочтает возвышенное описание Одессы с упоминанием торговли:

Перл земли новороссийской,
Он цветет, блестящий град,
Полон славы музической
И возвышенных отрад,
На морском высоком бреге
Он вознесся в южной неге
Над окрестною страной
И пред дольными красами
Щеголяет небесами,
Морем, солнцем и луной.
<...>
А Одесса что царица:
У подножия пшеница,
Из червонцев слит венец.

Болеслав Маркевич вспоминал о своей жизни в Одессе в сороковые годы девятнадцатого века: «Единственный уголок в России, где дышится свободно», – говорили не дорожившие службою господ и баре, <...> переселяясь из столиц или поселяясь временно в этом действительно жившем непохожею на тогдашнюю жизнь русских городов жизнью, окраинном местечке России».

Английский путешественник Л. Олифант в 1852 году отмечает склонность одесситов восторженно хвастать своим городом (черта, сохранившаяся и в следующих веках) и космополитический характер города:

«Влюбленные в свой город одесситы на борту парохода два дня и две ночи внушали мне, что ничто из виденного в Москве или Санкт-Петербурге не могло дать мне ни малейшего представления об очаровании Одессы. По их словам, она объединяла в себе прелести всех столиц Европы. Статуи и опера были итальянскими; бульвары и магазины французскими; клубы – английскими; а отели не имели равных в Европе. И все это вместе должно было превзойти мои самые смелые ожидания. <...>

Следует признать, что Одесса очень космополитичный город. Почти у каждой страны в Европе здесь есть свой представитель, и главные улицы заполнены всевозможными костюмами. Дух деятельности и предприимчивости, царящий в Одессе, в общем-то, чужд русским городам в целом. Причина этого, несомненно, в быстром росте города и его смешанном населении. Жители Одессы имеют гораздо больше свобод, чем жители любого другого города в империи. Меня поразила необычная свобода в курении и разговоре среди тех, с кем я общался».

Отмена порто-франко в 1859 приводит к некоторому упадку, который к концу века вновь сменяется экономическим расцветом. Но уже начинают звучать грустные фразы о минувшей славе Одессы.

В конце XIX века публикует очерки из серии «Старая Одесса» Александр Дерibas. И, по его мнению, очарование Одессы, лучшие ее годы уже в прошлом. Даже знаменитая одесская пыль – и то раньше была лучше: «Настоящий старый одессит не может не тосковать по прежней одесской пыли. <...> Прежняя одесская пыль была не такою, как ныне; она была благоуханною – как пыль цветов».

В 1894 году Одессе исполнилось сто лет. В этом же году родился и главный творец мифа об Одессе XX века Исаак Бабель. А составляющие одесского мифа конца XIX века впервые собирает воедино Влас Дорошевич, выпустивший в 1895 книгу «Одесса, одесситы и одесситки». Он одним из первых пишет о сформировавшемся к тому времени одесском языке: «И мы удивляемся, как ни один предприимчивый издатель не выпустил до сих пор в свет «самоучителя одесского языка», на пользу приезжим. Без знания одесского языка тут вас ждет масса водевильных недоразумений и чисто опереточных qui pro quo».

К концу XIX века появляется представление об Одессе как о городе, в котором легко можно разбогатеть, особенно маленькому человеку, особенно еврею из местечка. Ярче всего это описано в рассказах Шолом-Алейхема: «Я просто не в состоянии описать тебе город Одессу, его величие и красоту, его жителей с их чудесными характерами, а также блестящие дела, которые здесь можно делать».

О том же писал и учитель Шолом-Алейхема, основоположник литературы на идиш Менделе Мойхер-Сфорим: «Одесса – что табакерка с потайным замком: надо знать, какую пружинку нажать, – тогда она легко раскрывается, – засовывай пальцы и доставай добрую понюшку табаку». Семен Юшкевич описал в своих рассказах новый тип одеситов – маклеров и спекулянтов, так называемых «людей воздуха».

Образ Одессы десятых годов двадцатого века в представлении человека среднего класса иной. Петр Пильский в очерке «Лики городов» дает картину беззаботного города:

«Я поражен, пленен, заморожен ею, этой легкомысленной, хохочущей, жизнерадостной, страстной, веселой южанкой. Ни один город не имеет столько верных патриотов.

Одессит – тип.

Это – русский марселец. Легкомысленный хвастун, лентяй, весь внешний, великолепный лгун, задорный шутник. <...> ...поет и зовет весь этот чудо-город, город-легенда, суматоха и стон. Приезжайте в Одессу, приезжайте в Одессу! <...>

Шопенгауэр был пессимистом и женоненавистником, но только потому, что он никогда не был в Одессе. <...>

Громадный город великого, неистощимого, сказочного безумия, дышащий духами и преступлением, ни на кого непохожий, прекрасный, бурный, спешащий. <...> Вот место, где так хорошо и сладко сойти с ума, – и это море, и эта зелень, одно – гордое, другая – скромная, эти запахи морской гнили, тубероз, юга, женщин и духов, и этот нервный бег!»

Но почти в то же время Леонид Андреев, высмеивая упоминавшуюся привычку одеситов неумеренно гордиться своим городом, пишет: «Одесса, к которой перехожу, – город хвастун и фат дурного тона».

Исаак Бабель, бесспорно, творец мифа о бандитской Одессе. Но в одном из первых своих опубликованных очерков «Одесса» (1915) он дает поэтическое описание городского населения:

«Летом в его купальнях блестят на солнце мускулистые бронзовые фигуры юношей, занимающихся спортом, мощные тела рыбаков, не занимающихся спортом, жирные, толстопузые и добродушные телеса «негоциантов», прыщавые и тощие фантазеры, изобретатели и маклера. А поодаль от широкого моря дымят фабрики, и делает свое обычное дело Карл Маркс. <...>

В Одессе есть порт, а в порту – пароходы, пришедшие из Ньюкастля, Кардифа, Марселя и Порт-Саида; негры, англичане, французы и американцы. Одесса знала времена расцвета, знает времена увядания – поэтичного, чуть-чуть беззаботного и очень беспомощного увядания».

Противореча себе, в «Листках об Одессе» в том же году он скажет: «Одесса стоит крепко, и ее изумительная способность ассимиляции не потеряна».

Но уже прозвучала фраза об увядании. Позднее, в повести «Пятеро», и Жаботинский будет вспоминать о конце XIX века как о времени, «когда Одесса была царицей».

Первый удар по одесскому мифу нанесла экономика – отмена порто-франко. Второй – революция 1917 года, вернее, приход большевиков в 1920. Новой власти европейский город, живущий торговлей, и его легкомысленные жители были не нужны.

В литературе первым об этом заявил Владимир Нарбут в 1921 в стихотворении «Годовщина взятия Одессы».

– О, город Ришелье и Де-Рибаса,
забудь себя!
Умри и – встань другим!
Твой скарб сметен и продан за бесценок.
<...>
Разодрана завеса,
и капище не храм, а прах и тлен.
Не Ришелье, а Марксова Одесса
приподнялась с натруженных колен.

В письме к Исааку Лившицу в 1924 Бабель написал: «Одесса мертвее, чем мертвый Ленин».

Но примерно в то же время рождается новая легенда: «Одесса – Голливуд на Черном море». Уже в 1926 году Юрий Яновский писал:

«Одесити – народ гарячий і симпатичний. Над усе вони кохають Одесу. Всі славетні люди з історії й географії, як відомо, були одеситами – це першого ж дня скаже Одеса, запевняючи вас, що Чарлі Чаплін народився на Молдаванці – від веселого вантажника Каплан. Той же Чарлі – за днів своєї юності – бігав босоніж на березі під кінофабрикою і, кидаючи в Чорне море камінці, згорав на одеському сонці. Ніхто навіть не подумав накрутити з нього кількох паршивих метрів фільму – з цього босого й замураного хлопця, в якому струміла талановита кров вантажника Каплан.

Коли ви довірливо слухатимете, не перериваючи й разу промовця, – ще й не те почувете. Вам доведитимуть, що Дуглас Фербенкс є незаконний син тітки Рухлі з пристані. Вона ще була тоді молодою і вродливою юнкою з очима «как море», стомилася після довгого робочого дня, таскаючи цукор на широкій спині, і лягла спати на теплому камені одеської ночі.

Цим скористався молодий мрійник з американського корабля «White House» і засліпив соромливу дівчину золотом та подарунками. До самого ранку умоляв він її сотнею різних мов серед портових пахоців. Камінь кришився, розпадаючись на порошок, від жаркої промови моряка.

А на ранок молода Рухля крізь сльози дивилась на «White House», – як увозив він частину її серця і батька її майбутнього синка – Дугласа.

Багато ще дечого почувете ви від одесита, коли він заб'є вашу молодість феєрверком сенсацій, А якщо ви, людина бувала, обіллете його вогонь водою вашого скепсису та скажете, що Одеса «так собі», – він огляне вас презирливо й викине свого останнього козира:

– Так собі? А море?!

Країна веселого народу – це Одеса. На широких вулицях її росте ніби трава, бо кожний одесит не ходить ніколи просто, а все наче обминає якусь травинку. П'яні там – перші лицарі Веселого ордену. Вони ходять на тротуарах сотнями – витончені, чемні і граціозні, і своєю вдачею можуть звести з розуму навіть не одесита».

Это взгляд советского писателя. А эмигранты ностальгически вспоминали былую прелесть и блеск Одессы. В 1923 году Саша Черный написал стихотворение «В Одессе»:

Вдоль деревянной длинной дамбы
Хвосты товарных поездов.
Тюки в брезенте, словно ямбы,
Пленяют четкостью рядов.
Дымят гиганты-пароходы,
Снуют матросы и купцы.
Арбузной коркой пахнут воды –
И зыбь, и блеск во все концы.
<...>
Горит над жирным турком феска,
Студент гарцует среди девиц...
Внизу среди морского блеска
Чернь пароходных верениц...
Казачи, статные, как кони,
Кружком расселись в павильоне...
Урядник грузен, как бугай.
Запели... Эх, не вспоминай!

Впрочем, в 1928 году Надежда Тэффи пишет об Одессе времен гражданской войны «Не город, а сплошной анекдот! <...> Жить в анекдоте ведь не весело, скорее трагично».

Владимир Жаботинский, завершивший в 1935-36 годах повесть «Пятеро» вдохновенным описанием, можно сказать, гимном Одессе, очерк «Моя столица» (1931) заканчивает трагически-ми словами об уничтожении города:

«Одессу, как вавилонскую башню, с первого камня строили все племена – то есть, как уже доложено выше, все (по-моему) истинно великие племена истории; все ее строили, и каждое вложило в нее кусок своей гордости.

Оттого и получилась в итоге та степень муниципальной гордости, коей только слабым, далеко не крайним образцом является настоящий очерк.

Только то грустно, что всего этого уже нет, и Одесса давно уж не такая. Давно, еще задолго до нынешнего мора и глада, и труса, стало меркнуть и сереть то великолепие многоцветности – выскокая прерогатива радуги, бриллианта, империй. Александрия Севера постепенно превращалась в южную Калугу; а теперь,

говорят, совсем и нет больше на том месте никакого города – трактором, от Куликова поля до Ланжерона, проволокли борону, а комья потом посыпали солью. Жаль...»

Тем же 1931 годом датировано стихотворение одессита Семена Липкина «Городу на море»:

Где же страшные вывески меховщиков?
Клейкий запах столярной? Цирюльни альков?
Часовых мастерских паутина?
Где ж турецких пекарен цукатный дурман?

Золотые сандалии тучных армян?
Как мне скучно вдали карантина!
Ты, красавица, нынче как будто не та:
Неприметна родня моя вся – нищета,

Запах моря на старом погосте!

В рассказе И. Бабеля «Улица Данте» (1933) есть несколько строк, не вошедших в первую публикацию: «...я уехал в Марсель. Там увидел я родину свою – Одессу, какую она стала бы через двадцать лет, если бы ей не преградили прежние пути, увидел неосуществившееся будущее наших улиц, набережных и кораблей». Причина упадка Бабеля очевидна, и золотой век Одессы уже в прошлом.

Вторит своему другу и учителю Семену Гехту в повести «Пароход идет в Яффу и обратно» (1936). Мне кажется, что по настроению этот текст схож с последней главой «Пятеро» Жаботинского (которую Гехт никак не мог прочесть).

«Кто же поселился в доме Ашкенази на Воронцовской улице и на ее божественной даче в конце Французского бульвара, над красноватым обрывом, заросшим ароматным терновником и высокими полынными кустами? Кто живет в доме Блюмберга, Хаеса, Кондиаса? Кто торгует в магазинах Пташникова, Бомзе и Дубинского? Кто работает и управляет на заводах Гена, Попова и в доках Ропита, и на складах Юротата?купаются ли еще в Горячей Луже на Пересыпи, у мельницы Вайнштейна? Что стало с богатыми болгарскими огородами на полях орошения? Что делается на Куликовом

поле, на Толчке, на Косарке, на Бугаевке, на Ярмарочной площади? Кто вдыхает запахи сирени, акаций и маслин на дачах Вальтуха, Цудека, Маразли и Натансона? Кто сидит в Городской думе? Кто поет в Городском театре? Кто бродит по Хаджибеевским горам и кто гуляет по саду Трезвости? На Еврейской были меховые лавки, а на Малой Арнаутской – немецкие трактиры и постоянные дворы. Кто там сейчас? На Старорезничной играла в театре Болгаровой Эстер Каминская, на Прохоровской гудела мельница Инбера, в Городском саду управлял оркестром Прибик. Что там сейчас?»

«Ато – атаге» эмигранта Дона Аминадо – то же противопоставление оживленной жизни города в прошлом и грустного настоящего.

Кипит, не смолкая, работа в порту.
Скрипят корабельные цепи.
Безумные ласточки, взяв высоту,
Летят в молдавские степи.
Играет шарманка. Цыганка поет,
Очей расточая сиянье.
А город лиловой сиренью цветет,
Как в первые дни мироздания.
<...>
Приходит волна, и уходит волна.
А сердце все медленней бьется.
И чует, и знает, что эта весна
Уже никогда не вернется.
Что ветер, который пришел из пустынь,
Сердца приучая к смиренности,
Не только развеял сирень и латынь,
Но молодость вместе с сиренью.

1940-е

Вопреки этому Константин Паустовский в повести «Черное море», написанной в 1935 году, закладывает основы того представления об Одессе, которое будет создавать во всех своих книгах, посвященных городу:

«Одесса – это Левант. Это Черное море, теплые ветры с Босфора, бывшие греческие контрабандисты и негоцианты из Пирея. Итальянцы-гарибальдийцы, капитаны и портовые грузчики – ба-набаки. Богатства всех стран, влияние Франции, гетто на Молдаванке, бандиты, ценившие превыше всего остроумие, седоусые рабочие с Пересыпи, итальянская опера, воспоминания о Пушкине, акации, желтый камень, цветы, любовь к анекдоту и страшное любопытство к каждой мелочи. Все это – Одесса».

Новый виток одесского мифа связан именно с Паустовским, с повестью «Время больших ожиданий», увидевшей свет в 1959 году. Публикация повести вызвала интерес к городу и писателям юго-западной школы, в частности И. Бабелю и Э. Багрицкому.

Паустовский упоминал «одесское торжище» на Новом базаре в начале двадцатых. Со временем перепродажа (или спекуляция) дефицитного товара перенеслась на Толчок – рынок, неоднократно менявший место своего расположения и ставший одной из легенд Одессы – аналога Толчку в 1960-1970-е гг. не было в Советском Союзе.

Первая часть неоконченной повести Александра Галича «Блошиный рынок» (1976-1977) называлась «Прощай, Одесса». Галич писал: «Одесса, как известно, самый необыкновенный город на всем белом свете. Я знаю это твердо и не советую никому спорить со мною по этому поводу».

Он же одним из первых описал одесский Толчок, придав ему мистические черты:

«...О, знаменитая Одесская барахолка, великий блошиный рынок, один из немногих, чудом уцелевших и при этом, даже официально узаконенных, сказочных островков частной инициативы и предпринимательства! Под открытым небом, на огромном пространстве, огороженном со всех четырех сторон высоким забором, кипит, пылит, кричит, хохочет и сокрушается несметное, неисчислимое человеческое множество, оно выплескивается на прилегающие улочки и переулки, перемахивает через ограду находящегося в непосредственном соседстве с блошиным рынком еврейского кладбища...

О, барахолка!

Уже не однажды какой-нибудь вновь назначенный ретивый начальник из горкома партии или горисполкома пытался поставить

вопрос о ее закрытии. И тогда происходило чудо – сначала где-то в отдалении начинал погромоывать гром и посверкивать молнии, ощущались таинственные подземные толчки, колебание почвы, земля расступалась, и именно на том самом месте, где стоит Одесса, образовывалась глубокая трещина, в эту трещину бесследно и навсегда проваливался злополучный ретивый начальник, земля смыкалась вновь, а барахолка, хотя и переезжала на какое-нибудь новое место, как ни в чем не бывало продолжала жить своей неопикуемой, безобразной и ликующей жизнью...»

И ему же принадлежит изумительно точное описание Одессы конца шестидесятых, точнее, одесского лета. Но и здесь идет речь о прекрасном прошлом.

«Отгремело, кончилось летнее сумасшествие, когда в Одессу – к солнцу, к веселому морю, к дешевым овощам и фруктам – съезжаются несметными ордами москвичи и ленинградцы, жители Сибири, Урала и Средней Азии; когда позавтракать в кафе можно только, простояв три часа в распаленной очереди; когда мечтать о номере в гостинице смеют лишь самые удачливые и ловкие, а прочие люди средних способностей селятся где попало – снимают углы, балконы, чуланы.

А коренные жители, ошавев от этого золотого дождя, ухитряются пустить в дело, приспособить для ночлега и жилья крылечки, лодки и даже гамаки во дворе или в саду.

Это безумие, этот громоподобный прилив, пробиваясь в конце апреля, достигает своего зенита в июле и в августе. Но уже в первых числах сентября начинается стремительный отлив – уезжают родители с детьми школьного возраста, уезжают студенты и преподаватели – уезжают на машинах, улетают в самолетах, берут с боем отходящие поезда.

И Одесса пустеет, опоминается, приходит в себя, подсчитывая доходы, – до следующего лета, до нового золотого дождя.

Впрочем, старые одесситы утверждают, что в те кошмарные времена, когда помещики и капиталисты только и знали, что грабили народ и выколачивали из него прибавочную стоимость, именно октябрь месяц считался в Одессе лучшим временем года и назывался «бархатным сезоном».

Именно в октябре месяце с раннего утра и до позднего вечера в ротонде на Приморском бульваре духовой оркестр городской по-

жарной дружины под управлением маэстро Каца наяривал марши, вальсы и польки; и нарядные дамы, покачивая ажурными зонтиками, прогуливались по дорожкам бульвара в сопровождении усатых кавалеров в котелках и штиблетах; именно в октябре отчаянный рыжий авиатор Уточкин при несметном скоплении зрителей совершал над одесским ипподромом свои показательные полеты; по вечерам кавалькады карет тянулись в Аркадию, на пляжи, где дамы и господа купались при лунном свете, а потом спешили назад, в город – в игральные дома, в гостиницы, в рестораны».

Забавно, но примерно о тех же годах Бабель писал как о «временах увядания».

В 1976 году эмигрировал из Одессы Аркадий Львов. В много-томном романе «Двор» (1968-1972, 2005) он описывает еще одну деталь одесского мифа XX века – многонациональный одесский двор, составляющий особый мир.

Надо сказать, что ирония и самоирония – одна из главных особенностей жителей Одессы. У Юрия Михайлика среди многих стихов о родном городе есть шутивное стихотворение «У городов, бесспорно, есть отличья...». Написано оно в конце шестидесятых – начале семидесятых.

Есть в городе моем среди диковин
одна, которой я обеспокоен:
в Одессе конных памятников нет.

<...>

А без коней в Одессе очень странно.
И так уж есть Фонтан, где нет фонтана,
есть Мельницы, где мельниц ни следа,
и Молдаванка есть без молдаванов,
Черемушки, где в липах и каштанах
черемухой не пахло никогда.

Неожиданное преломление одесский миф получает в творчестве писателя, никогда в Одессе не бывавшего, – английского фантаста Майкла Муркока. В 1980 он пишет повесть об альтернативной истории России «Стальной царь». Герой его во время гражданской войны попадает на несколько дней в Одессу.

«Одесса – великолепный многонациональный морской порт, родина многих выдающихся поэтов, писателей, художников, прочих титанов духа. <...> в порту стояло больше торговых, нежели военных судов. Улицы кишели людьми всех наций и цветов кожи. Пахло пряностями и закусками пяти континентов <...> здесь царил жизнерадостная беззаботная атмосфера, которая дала мне пример лучших сторон славянской души.

<...> Она полна музыки, остроумных торговых перепадок, романтики. Мне невольно захотелось остаться в этом городе навсегда. Я не знаю ни одного другого города, способного сравниться с Одессой. <...> в Одессе повсеместно царит всепобеждающий дух свободы, который, как я думаю, делает всех ее жителей верноподданными единственной и неповторимой в мире державы – Одессы-мамы».

«Одесса-мама» – так называют наш город: то с любовью, то с иронией, то со злобой. Что ж, пусть. Это как в том анекдоте: «Я не золотой, чтобы всем нравиться».

Но в реальной жизни все заметнее исчезновение того, что делало Одессу не похожей ни на один из других городов мира. Даниил Гранин сравнивал два приезда в Одессу – в 1956 и 1982 годах.

«Крикливый Привоз, неслыханной красоты и мощи базары, одесский говор, одесский юмор, кому это, как говорится, мешало? В то лето 1956 года Паустовский еще мог показать свою Одессу, еще на рынке тощий инвалид в тельняшке мог заставить купить велосипедный звонок, на который все будут заглядываться! Через двадцать лет, когда я захотел показать эту Одессу своим друзьям, я ее не нашел. Ее уже не было. С непонятной старательностью ее выскоблили, всю одесскость, одессизм, ее говор, ее шутки, ее обычаи...

Ревнителю однообразия, они терпеть не могли одесскую литературу, давшую Ильфа, Петрова, Багрицкого, Бабеля, Катаева. Причислили к ним и Паустовского. Южнорусская школа в устах этих критиков стала чем-то подозрительным, чужеземным. <...> Набережная и лестница смотрелись отсюда так же красиво, все стало чище, портовые краны выглядели внушительнее, цветов стало больше. Дома были свежеекрашены, играли фонтаны, в киосках открыто продавали жевательную резинку. Но прежней Одессы не стало. Имелся красивый морской город, областной

центр, почему-то знаменитый, а почему – неизвестно. Люди говорили с чуть заметным южным акцентом, но примерно так же, как в Николаеве и Херсоне, и надписи всюду были правильные, никаких вольностей, и шутили так же, как всюду. Наконец-то добились, чтобы этот город стал как все другие города».

Это взгляд извне. Но почти в то же время, в начале восьмидесятых, одесский поэт Анатолий Гланц пишет поэму «Одесса».

Этот город теперь деловит и точен,
Он лоснится довольством у всех обочин.
Но все реже услышишь от раза к разу
Здесь одесскую фразу.

Да, проходят годы, смелее пресса,
Но стареет в лужах моя Одесса...
Чудо-город, который давал все сразу,
Помутился, как разум.

С каждым годом, с каждым разрушенным зданием, с каждым уехавшим из города в поисках лучшей жизни реальная Одесса утрачивает свою особость, и приехавшие сюда в надежде найти следы одесского мифа вынуждены довольствоваться литературным.

Но сквозь всю горечь утрат, бессилие и беспомощность прорываются наши воспоминания о прошлом Одессы, которое кажется сейчас если и не прекрасным, то счастливым. А это ведь не одно и то же. И, как утверждал Анатолий Гланц,

Только стоит ли сетовать и ругаться?
Сохраним это счастье вдыхать акации...
Пусть тебе ветерком проскользнет за ворот
Этот ласковый город.

